

В.К. КОСС

**Я ВЫШЛА ЗАМУЖ
ЗА ЧЕЛОВЕКА,
КОТОРОГО БОЯЛАСЬ
МОЯ СЕСТРА**

18+

В.К. Косс

**Я вышла замуж за человека,
которого боялась моя сестра**

«Автор»

2026

Косс В.

Я вышла замуж за человека, которого боялась моя сестра /
В. Косс — «Автор», 2026

Перед свадьбой Нина попросила меня не выходить за Дениса. Сказала, что когда-то работала у него и знает, на что он способен. Но сестра путалась в объяснениях, а он показывал документы и отвечал спокойно. Я поверила ему. Через два месяца после свадьбы я нашла старую фотографию: Нина и мой муж возле дома, где в тот день погибли двое. Оба утверждали, что их там не было. Теперь мне нужно выяснить, почему сестра соврала следствию, за что получила деньги и какое решение принял человек, рядом с которым я чувствовала себя в безопасности.

Содержание

Глава 1. Рука на спинке стула	6
Глава 2. До того, как он стал мужем	10
Глава 3. Двести сорок тысяч	15
Глава 4. Место возле окна	20
Глава 5. Чужое удобство	24
Глава 6. Человек на заднем плане	28
Глава 7. Число в углу	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

В.К. Косс

**Я вышла замуж за человека,
которого боялась моя сестра**

Все персонажи, организации и события вымышлены. Документы и переписка, приведенные в романе, являются частью художественного сюжета.

Глава 1. Рука на спинке стула

Нина попросила пересадить ее, когда официант уже расставил салаты.

— Куда? — спросила я.

В зале было двадцать шесть человек, и для каждого мы с Денисом придумали место. Его дочь Маша сидела рядом с дочкой моей двоюродной сестры, чтобы девочкам было не скучно. Мама — подальше от колонки. Нина — рядом со мной. Я сама поставила карточку с ее именем возле своей тарелки и еще утром радовалась: сестра все-таки приехала.

— На другой конец. К окну.

— Там дядя Слава. Он весь вечер будет рассказывать тебе про давление.

Она не улыбнулась. Смотрела поверх моего плеча, и я оглянулась. Денис разговаривал с фотографом. Придерживал его за локоть, показывал на длинное зеркало, в котором отражались светильники. На рукаве темно-синего пиджака зацепилась белая нитка. Мне хотелось подойти и снять ее.

— Нин, что случилось?

— Ничего. Просто пересади.

Я положила ладонь ей на запястье. Кожа была холодная, хотя в ресторане топили так, что я уже расстегнула верхнюю пуговицу на спине платья. Нина высвободила руку, не резко — осторожно, будто боялась опрокинуть что-нибудь между нами.

У нее было обычное лицо. Не заплаканное, не сердитое. Под левым глазом проступила полоска от шарфа: она примчалась почти к регистрации и, видимо, так долго ехала в маршрутке, прислонившись к стеклу, что след еще не сошел. Я смотрела на эту полоску и пыталась решить, не заболела ли она.

Потом подошел Денис.

— Ну что, сестры, кого ждем?

Он поставил руку на спинку Нинино стула. До ее плеча оставалось сантиметров десять. Нина сразу выпрямилась. Так резко, что край стула заскрежетал по полу.

— Я пересяду, — сказала она.

— Почему? Тебе здесь плохо?

Он спросил приветливо. Точно так же спрашивал вчера у администратора, достаточно ли места за столом. Я знала этот тон: у Дениса любые неполадки сначала казались незначительными, решаемыми. Возле него человек невольно успокаивался. Я и сейчас успокоилась бы, если бы не увидела, как сестра прижала к бедру свою сумочку. Дешевую, с потертой ручкой. Прижала обеими руками.

— Отодвинься, пожалуйста, — сказала она.

Денис убрал руку.

Официантка остановилась возле нас с подносом. На нем дрожали высокие бокалы. На секунду я услышала только их тихое позвякивание.

— Конечно, — ответил Денис. — Сейчас найдем другое место.

Он подозвал администратора. Быстро, без недовольства. Попросил перенести Нинин прибор к окну, объяснил, что сестре жарко. Мне даже не пришлось ничего говорить. Пока меняли тарелки, он снял с руки мою маленькую сумку и положил на свободный стул.

— Не стой, Вер. Туфли же новые.

Я села. Пятки действительно болели. Утром я наклеила пластыри, но правый уже завернулся, и каждый шаг отдавался под коленом. Денис помнил, что я жаловалась на туфли, когда мы выходили из дома. Из всех людей в зале только он помнил такую мелочь. Мне было стыдно, что я на несколько секунд подумала о нем плохо.

Нина пошла к окну. Там дядя Слава поспешно поднялся, отодвинул стул. Сестра кивнула ему и спрятала руки под скатерть. Денис смотрел вслед ей, потом повернулся ко мне:

— Я не обижусь. И ты не расстраивайся.

— Я не расстраиваюсь.

— Хорошо.

Он накрыл мои пальцы ладонью. Обручальное кольцо было непривычно тяжелым. Не от веса — от того, как часто я о нем вспоминала. Когда расписывалась в книге регистрации. Когда поправляла волосы. Когда Нина обнимала меня на лестнице загса, не касаясь щекой.

За два часа до этого я получила новую фамилию. Воронцова Вера Андреевна. На бумаге она еще выглядела чужой. Я мысленно произносила ее несколько раз и думала, сколько документов теперь придется менять. Нина сохранила Лебедеву. Моя прежняя фамилия как будто осталась у нее одной.

— Ты ей звонила вчера? — тихо спросил Денис.

— Да.

— Что говорила?

— Что приедет. Приедет же, вот она.

Он немного сжал мои пальцы.

— Я не спрашиваю, чтобы контролировать.

Этого слова я не произносила. Но в тот день оно не показалось мне странным. Нина весь февраль отменяла наши встречи, отвечала через раз, в последний момент отказалась помогать с платьем. Денис знал, как сильно меня это обижало. По вечерам я злилась на сестру при нем, потом защищала ее от собственных слов. Он слушал. Ни разу не сказал, что Нина неблагодарная или завистливая.

— Оставим ее в покое, — сказала я.

— Давай.

Он поднес мою руку к губам и поцеловал костяшки пальцев. Фотограф мгновенно поднял камеру. Впоследствии этот снимок я выбирала для рамки: мой чуть растерянный взгляд, его склоненная голова, белый рукав платья. На заднем плане справа виднелся угол окна. Нина в кадр не попала.

Маша подошла к нам перед первым тостом. На ней было темно-зеленое платье, которое она выбирала с Ингой. Денис предлагал купить другое, дороже, но дочь отказалась: в этом были карманы. Теперь стояла перед нами, держа руки именно там, и спрашивала, можно ли выйти на улицу с девочками.

— Куртку надень, — сказал Денис.

— Там три минуты.

— Все равно.

Маша посмотрела на него, потом на меня. Не искала поддержки против отца, скорее проверяла, стану ли я тоже напоминать про погоду. Я сказала, что моя куртка в гардеробе, если ей не хочется идти за своей. Она улыбнулась.

— У меня есть. Просто она все испортит.

Денис засмеялся, провел ладонью по ее плечу. Девочка немного отодвинулась: не сердито, а с той подростковой неловкостью, когда при чужих уже не хочется принимать ласку. Он убрал руку сразу. Я смотрела на них с облегчением. Вот же, он замечает. Умеет не настаивать. За одну эту маленькую сцену мне хотелось отменить все, что я увидела возле Нининого стула.

На выходе Маша остановилась у окна, где сидела сестра. Наклонилась, что-то спросила. Нина ответила, достала из сумки телефон, дала посмотреть фотографию. Они обе улыбнулись. Я знала, что там может быть: собака возле мастерской, сломанная машина с невероятным узором, кот хозяйки. Сестра умела разговаривать с детьми без особого детского голоса. Я всегда думала, что Маша ей понравится.

Позже сестра сказала мне: хорошая девочка. А я услышала в этом еще одно возражение, которого Нина не произнесла. Как будто хорошая дочь должна была сделать ее отца безупречным, и сестра отказывалась это признавать.

Официант принес мне воду. Спросил, нужно ли убрать карточку возле моей тарелки. На ней было напечатано «Нина». Я сказала оставить. Позже, уже после ее ухода, спрятала карточку в сумку: хотела отдать сестре на память. Нашла ее только через два месяца, между квитанцией из химчистки и запасным пластырем.

Первый тост произнесла мама. Она готовилась дома, я видела у нее в записной книжке несколько строк, зачеркнутых так густо, что бумага порвалась. Перед тем как встать, мама сняла очки, потом надела опять. Сказала, что желает нам терпения. Вспомнила папу. Замолчала.

Я испугалась, что она заплачет, но мама откашлялась и добавила:

— И чтобы друг перед другом не притворялись. Чего уж теперь.

Дядя Слава засмеялся. Все облегченно подхватили смех, а Денис поднял бокал с водой и повернулся ко мне. У него были добрые морщины возле глаз. Я любила их больше, чем правильный профиль и большие руки, которые всем нравились. Эти морщины появлялись даже тогда, когда он не улыбался.

Нина не подняла бокал. Я увидела это, потому что смотрела на маму, стоявшую почти напротив нее. Сестра сидела, уставившись в тарелку, где лежала нетронутая долька помидора.

После горячего я нашла ее в маленьком коридоре возле гардероба. Она застегивала пальто.

— Ты уходишь?

— Последняя маршрутка в семь.

— Мы же договорились: останешься у мамы.

— Мне завтра работать.

— В воскресенье?

— Да.

У нее на воротнике был рыжий волосок. Не ее: Нина стриглась коротко и красилась в темный каштановый. Я сняла волосок, хотя она чуть отстранилась. Раньше мы без конца трогали друг друга. Сдвигали челку, проверяли, горячий ли лоб, поправляли перекрученную лямку. Теперь простое движение требовало разрешения, которого я не умела попросить.

— Поговори со мной нормально, — сказала я.

Нина опустила глаза на мой левый палец.

— Сегодня не надо.

— А когда надо? Ты месяц говоришь загадками. Я пригласила тебя. Я хотела, чтобы ты была рядом.

— Я была.

— Два часа.

Она начала наматывать шарф. Один конец получился длиннее другого, и Нина никак не могла их сравнить. Я ждала, потом перехватила шарф и обернула ей шею сама. Она стояла неподвижно. Вблизи стало заметно, что у нее дрожит нижняя губа. Не вся, только маленький участок слева.

— Он сделал тебе что-нибудь? — спросила я.

В первый раз — этими словами. До этого были «что между вами случилось» и «почему ты так себя ведешь». Сейчас я спросила именно так, и Нина подняла на меня глаза.

— Он заставил меня сделать кое-что.

За стеной включили музыку. Маша выбрала для первого танца песню, которую я слышала в машине у Дениса, и он смеялся, что его дочь лучше знает наши предпочтения, чем мы сами. Первые звуки долетели в коридор, заглушенные тяжелой дверью.

— Что? — спросила я.

Нина посмотрела на дверь.

— Я говорила тебе до свадьбы.

— Ты ничего не объяснила.

— Нет. Я объяснила недостаточно.

Она произнесла это устало, без упрека. Почему-то именно от этого мне захотелось закричать. Чтобы она наконец сказала все сразу, назвала поступок, показала сообщение. Сделала хоть что-нибудь, с чем можно было бы спорить или соглашаться. Вместо этого она поправила воротник моего платья. Там загнулся край подкладки.

— Иди. Тебя ждут.

— Нина.

— Я позвоню, когда доеду.

Она обняла меня. На этот раз крепко. Я почувствовала под пальцами ее лопатки, вдохнула запах мокрого шарфа и того горьковатого крема для рук, который она покупала после работы. Мне захотелось удержать ее. Усадить на скамейку, попросить гардеробщицу принести воды и никуда не идти, пока мы не договорим.

Дверь из зала открылась. Денис остановился на пороге.

— Вер, мы тебя потеряли.

Сестра сразу отпустила меня.

— Мне пора, — сказала она ему.

— Я вызову машину. Не надо на маршрутке.

— Не надо.

— Нин, это сто восемьдесят километров. Ночью приедешь.

— Я знаю дорогу.

Он развел руками. В этом жесте не было ничего угрожающего. В зале его звали по имени, администратор показывал на часы: пора было выносить торт, надо было танцевать, надо было продолжать наш хороший день.

Я пошла к нему. Даже тогда оглянулась не сразу, а уже возле двери. Нина стояла у выхода, придерживая сумкой распаивающуюся створку. Увидела, что я смотрю, и подняла руку.

Я помахала в ответ.

До конца вечера я проверяла телефон. В десять семнадцать пришло: «Дома». Ни сердечка, ни привычного «Верунь». Я ответила: «Спасибо, что приехала». Потом стерла. Написала: «Я тебя люблю».

Прочитано стало почти сразу.

Ответа не было.

Глава 2. До того, как он стал мужем

В первый раз Денис принес мне не цветы, а три коробки с фотографиями.

Была середина декабря, последний месяц бесконечных «срочно до Нового года». В нашем бюро на подоконнике сохли мокрые перчатки, Тома резала мандарины пластиковым ножом, потому что обычный потерялся после съемки продуктов. Я вычитывала интервью директора хлебозавода, в котором он семь раз называл коллектив одной большой семьей.

— Вера Андреевна? — спросил мужчина у двери.

Я подняла голову.

— Если вы про альбом, его нельзя сделать к пятнице.

Он посмотрел на коробки, потом на меня.

— Я еще ничего не сказал.

— Все говорят одно и то же.

— Тогда к следующей пятнице.

Тома засмеялась. Он поставил коробки на свободный стол. На нижней разошелся угол, и несколько фотографий выскользнули на пол. Я присела собрать их. На одной сам Денис, только моложе и в строительной каске, держал на руках девочку с кривой бумажной короной.

— Ваша?

— Дочь. Сейчас уже почти с меня ростом.

Я перевернула снимок. Дата была написана от руки, черной гелевой ручкой. Такие надписи я любила: с ними было проще работать, чем с папками «Разное», в которых люди хранили двадцать лет своей жизни.

Заказ действительно был на альбом. Компания «Контур» готовилась к юбилею, но не в декабре, а через полтора года. Наша начальница Светлана была так поражена этим обстоятельством, что вышла из своего кабинета и лично предложила ему кофе.

Мы составляли предварительную смету. Денис не торговался ради самого процесса, не называл текст «контентиком», не обещал познакомить нас с нужными людьми вместо оплаты. Спросил, сколько займут интервью, нужно ли привезти сотрудников, кто будет проверять подписи к фотографиям. Достал блокнот и записал ответы.

— Проверять будет человек, который там работал, — сказала я. — Иначе у вас в книге получится, что крышу делали бухгалтеры.

— Бухгалтеры иногда считают, что так и было.

Я засмеялась раньше, чем решила, нравится ли он мне.

В конце встречи он заметил у меня на столе коробочку от болтов. Я держала в ней скрепки: отец когда-то собрал самодельный ящик с маленькими отделениями, и после его смерти я забрала одну из съемных секций. Денис поднял крышку, посмотрел на надпись «М4».

— Папина, — сказала я.

Он поставил ее на место.

— У моего было то же самое. Только из-под леденцов.

Не спросил, давно ли умер. Не сказал, что время лечит. Мы еще несколько минут обсуждали бумагу, и я не чувствовала необходимости объяснять, почему у редактора на столе коробка с крепежом.

Потом он уехал. Светлана пошла составлять договор, а Тома развернулась ко мне вместе со стулом.

— Так.

— Что?

— Ничего. Просто так.

— Он клиент.

— Я разве спорю?

Мы обе вернулись к работе. Через час я заметила, что четвертый раз перечитываю одну и ту же фразу о сплоченном коллективе хлебозавода.

Денис позвонил через неделю уточнить, можно ли дослать часть материалов весной. Я сказала: можно. Он спросил, закончился ли у нас декабрьский пожар. Я ответила, что пока продолжается, но пожарные уже устали и просто греются рядом.

— Вы обедаете вообще?

— В свободное время между мартом и апрелем.

— А сегодня?

Так мы пошли есть суп в столовую за углом. Я не воспринимала это как свидание. Он снял куртку, повесил на соседний крючок и вернулся за своей шапкой, которую забыл в рукаве. В очереди взял два подноса, потом спросил, удобно ли мне, чтобы он заплатил.

— За суп я сама.

— Хорошо.

Ни удивления, ни обиды. В тридцать три года меня можно было поразить простой способностью мужчины услышать ответ с первого раза.

У меня до этого был Стас. Четыре года отношений, последние два года — споры о том, почему я не хочу переезжать к его матери на время ремонта, у которого не было ни сметы, ни срока. Мы не били посуду и не изменяли друг другу. Просто Стас считал все мои сомнения временными помехами на пути к правильной жизни, которую придумал сам. Я ушла, а потом еще долго стыдилась того, что не могу назвать достаточно страшной причины.

С Денисом сначала было иначе. Он не торопил. Не требовал отвечать на сообщения в течение минуты. Когда у мамы потекла труба, спросил, есть ли мастер, и только после моего «нет» дал номер своего знакомого. Когда я заболела в январе, оставил пакет у двери и уехал. В пакете были яблоки, хлеб, пачка салфеток и сыр, который я любила. Я сказала об этом сыре однажды, в столовой, жалуюсь, что его убрали из ближайшего магазина.

Лежа с температурой, я разглядывала упаковку и плакала. Совсем немного. Не потому, что никогда раньше никто обо мне не заботился. Просто я устала договариваться о каждой мелочи и впервые за долгое время получила именно то, что мне было нужно, без долгих переговоров.

С Ниной мы тогда созванивались по воскресеньям. Она жила в другом городе, работала в маленькой мастерской, где чинили швейные машины. Долгое время ей было неловко за эту работу: после экономического колледжа, после офиса. Мне нравилось слушать, как она постепенно перестает оправдываться. Как рассказывает, что удалось восстановить старую машинку, которую хозяйка хотела выбросить. Как сердится на поставщика деталей. На этих разговорах я наконец узнавала прежнюю сестру.

О Денисе я сказала ей в феврале, когда мы встречались всего два месяца.

— Хороший? — спросила Нина.

— Пока да.

— А ты не проверяешь каждое утро, не передумал ли?

Я помолчала.

— Проверяю.

— Ну ничего. Долго же ты со Стасом прожила. Не сразу отпустит.

Фамилию Дениса я тогда не назвала. Не из желания скрыть. Сестре обычно говорят «познакомилась с мужчиной», «у него дочь», «он привез мне сыр», а не представляют человека как в заявлении. «Контур» я тоже не упомянула. Он был для меня человеком, который приезжал по вечерам, а не названием организации в договоре.

В марте мы поехали на один день в соседний город посмотреть старую водонапорную башню. Я люблю такие странные поездки: ничего выдающегося, просто другое кафе, незнако-

мые улицы, чужие собаки во дворах. Денис не понимал, зачем ехать полтора часа к башне, но поехал. У башни оказалось закрыто. Он посмотрел на табличку, засмеялся и спросил, где здесь кормят.

В тот день он рассказал о первой жене.

— Мы с Ингой нормально общаемся. Из-за Маши в основном.

— А почему разошлись?

Он покрутил в руках крышку от бутылки с водой.

— Я все время считал, что сначала надо разгрести работу. Она не захотела ждать, когда я закончу. Правильно сделала.

Признать чужую правоту ему оказалось несложно. Это я тоже запомнила. Впечатления от первых месяцев остаются надолго: потом проверяешь ими все остальное, даже когда они перестают подходить.

Машу я увидела в апреле. Она почти не разговаривала со мной, зато попросила помочь с рефератом. Денис хотел сразу нанять репетитора, но Маша сказала, что ей нужно только понять, где искать источники. Мы сидели за столом, и она исправляла в списке литературы случайные пробелы, а он приносил нам чай. Я не пыталась понравиться дочери человека, с которым встречалась. По крайней мере, так мне тогда казалось. Сейчас я думаю, что старалась гораздо сильнее, чем признавала: боялась сказать лишнее, слишком долго выбирала, куда сесть.

В начале лета мы впервые поссорились. Не громко и не надолго, но я запомнила, потому что Денис потом извинился без попытки сразу все уладить подарком.

Я собиралась провести выходные с Томой. У нее отец жил в поселке, мы обещали помочь разобрать сарай: там после ремонта оставались мешки, доски и тяжелая рама от старого окна. Денис сказал, что пришлет двух рабочих, они все сделают за полдня. Я ответила, что мы уже договорились ехать сами.

— Зачем тебе таскать доски? — спросил он.

— Затем, что Тома попросила.

— Она попросила помочь, а не обязательно самой таскать.

С точки зрения результата он был прав. Но мы с подругой хотели поехать вместе, остаться на ночь, посидеть с ее отцом, который последнее время почти не выходил из дома. Я пыталась объяснить. Денис слушал и все равно возвращался к машине с рабочими.

Я рассердилась. Сказала, что не всякое дело нужно отдавать людям, которым платят. Он обиделся, потому что услышал, будто я презираю его работу. Мы положили трубки, не договорившись.

На следующий день он написал: «Понял про поездку. Я не так услышал. Извини». Потом спросил, нужен ли нам багажник побольше. Я отказалась. Он ответил: «Хорошо. Возьми перчатки».

Мы с Томой действительно таскали доски. Ее отец сидел рядом на перевернутом ведре, руководил и сердился, когда мы спорили. Вечером жарили картошку, слушали дождь по крыше. Я рассказывала о Денисе. Тома сказала, что ей нравится, как он не обижается на отказ слишком долго. Я согласилась.

Сейчас мне важно помнить эту ссору целиком. Он мог услышать. Мог отступить и не наказывать за несогласие. Я не выдумала эти хорошие месяцы, не перепутала сплошной контроль с заботой. В нем существовали обе возможности. Позже, когда на кону оказался не сарай и не мой свободный день, он выбирал иначе.

Мама познакомилась с ним в июне. Приготовила слишком много, весь вечер спрашивала, почему он мало ест, хотя он съел две порции. Когда Денис вышел на балкон ответить на звонок, мама шепнула мне:

— Ты рядом с ним какая-то мягче стала.

Я посмотрела на свои руки. До этого держала салфетку, не замечая, что все время ее разминаю. Положила на стол, расправила. Мама погладила мою ладонь. Она не просила срочно выйти замуж, не считала мои годы. Просто радовалась, что я перестала приходить к ней с выражением человека, который вечно куда-то опаздывает и не может остановиться.

Потом мы мыли посуду. Денис хотел взять это на себя, мама не разрешила, он подчинился и сел на кухонный табурет, рассказывал про Машину школу. На холодильнике висела фотография Нины. Он посмотрел на нее, спросил, давно ли сделана. Я ответила: зимой. Он кивнул. Я потом много раз возвращалась к этому мгновению, пыталась понять, узнал ли тогда. Так и не узнала. Не каждую паузу удалось превратить в установленный факт.

В августе Денис предложил пожениться. Мы были у него дома. Я вынимала из посудомоечной машины тарелки, он мешал на плите рис. Сказал, что хочет просыпаться со мной, а не выяснять по календарю, у кого в квартире завтра ночуем.

— Я и без регистрации могу здесь просыпаться, — ответила я.

— Можешь. А я хочу быть твоим мужем.

Не встал на колени, не достал кольцо из пирожного. Убавил огонь, вытер руку полотенцем и подошел. Кольцо лежало в верхнем ящике кухни, за запасными батарейками. Он признался, что носит его там третий день и боится, что я решу заменить батарейки в часах.

Я засмеялась. Потом расплакалась. Сказала «да», когда он уже начал волноваться, что плохо выбрал момент.

Нине я позвонила тем же вечером.

Она была на работе. На заднем плане стрекотала машинка, и сестра попросила подождать. Я слышала, как она прощается с клиенткой, закрывает дверь, возвращается.

— Ну рассказывай.

Я рассказала. Все — про рис, батарейки, кольцо. Нина смеялась вместе со мной. Спросила, как теперь меня записывать в телефоне, и я впервые произнесла при ней полное имя будущего мужа.

Машинка на заднем плане давно замолчала. Я решила, что связь оборвалась.

— Нин?

— Он из Реченска?

— Да. Я же говорила.

— Компания у него как называется?

— «Контур». Строительная. А что?

— Ничего. Сейчас, Вер. Я перезвоню.

Она не перезвонила. На следующий день написала, что завал на работе, потом прислала фотографию машинки с разобранным корпусом. Я спросила, знакома ли она с Денисом. Ответ получила только вечером.

«Работала у него. Давно. Потом расскажу».

Мне стало досадно. Сестра знала все про мой суп, болезнь и поездку к закрытой башне, но ни разу не спросила фамилию. Я мысленно упрекнула ее в невнимательности. Она даже не поздравила меня по-настоящему, не сказала ничего про кольцо.

Денис в тот вечер приехал поздно. Я сидела на кухне и листала фотографии свадебных платьев, хотя сказала всем, что никакой свадьбы не хочу. Спросила его о Нине.

Он нахмурился, вспоминая, потом кивнул.

— Лебедева. Ну конечно. Фамилия обычная, я не связал. Она уехала давно.

— Ты не знал, что она моя сестра?

— Откуда? Ты показывала мне ее нынешние фотографии. Она тогда была совсем другая, с длинными волосами.

Он сел рядом, придвинул к себе телефон.

— Это платье тебе не надо. Здесь девушка стоит на ящике, в жизни совсем иначе будет.

— А ты откуда знаешь?

— У нас для каталога тоже все на ящички вставляли.

Я рассмеялась. Он поцеловал меня в висок, и тема Нины закончилась сама собой. Это было удобно: впереди у нас было столько приятного, что возвращаться к чужой старой работе казалось почти невежливым.

Глава 3. Двести сорок тысяч

До февраля Нина трижды собиралась приехать и трижды отменяла поездку. В сентябре у нее сломался отопительный котел в мастерской. В ноябре заболела хозяйка квартиры. В январе она написала, что простыла сама. Котел я видела на фотографии, про хозяйку ничего не знала, кашель слышала в трубке. Каждый раз причина существовала, а вместе они все равно складывались в отказ.

Я предложила приехать к ней. Нина ответила: «Не надо, я сама». Спросила, не нужна ли помощь деньгами. Она обиделась. Я тоже обиделась, и мы десять дней обменивались только сообщениями о мамином давлении.

В феврале у мамы был день рождения. Нина приехала в субботу утром, без предупреждения, с двумя пакетами продуктов и маленькой швейной машинкой. Мама давно жаловалась, что ее старая петляет, и сестра купила восстановленную, со всеми лапками. Я пришла к обеду. Денис должен был подъехать позже, после встречи с поставщиками.

Нина открыла мне дверь в папином растянутом свитере. Мама хранила его на случай холодов, хотя после смерти отца прошло уже четыре года. Рукава были закатаны. На правом запястье у сестры белел тонкий шрам, которого я раньше не замечала.

Мы обнялись. Долго стояли в коридоре, мешая маме пройти с миской картофельных очисток. Потом обе засмеялись, отступили в комнату, и мне показалось, что все наконец вернулось на место.

На столе лежал альбом. Мама зачем-то достала фотографии из нашего детства. Мы с Ниной посмотрели две страницы и начали спорить, кому принадлежало зеленое пальто. Мне было очевидно, что ей: я никогда не носила вещи с бархатным воротником. Нина доказывала, что на снимке это я, и тыкала пальцем в отрезанную челку.

— Ты сама себе ее отрезала, — сказала она. — Перед линейкой. Мама еще плакала.

— Мама плакала, потому что ты выбросила отрезанные волосы в суп.

Из кухни донеслось:

— Обе хороши были.

Мы засмеялись опять. Я потянулась взять следующий снимок и увидела, что сестра смотрит на мое кольцо.

— В марте? — спросила она.

— Пятнадцатого. Я тебе писала.

— Знаю.

— Ты приедешь?

Нина потерла шрам на запястье. Потом спрятала руку под стол.

— Вер, не надо.

— Чего не надо?

— Замуж за него.

Я не сразу поняла, насколько это серьезно. Ответила даже с улыбкой:

— Уже поздно, ресторан оплатили.

Нина не улыбнулась.

На кухне шумела вода. Мама всегда мыла картошку под сильной струей, хотя я говорила, что так все вокруг мокнет. Я помню этот звук лучше Нининых первых слов. Ее голос я впоследствии восстанавливала по памяти, а вода продолжала шуметь совершенно отчетливо.

— Ты не знаешь его, — сказала сестра.

— Я знаю его больше года.

— Ты знаешь, какой он с тобой.

Я закрыла альбом. Слишком громко. Нина вздрогнула.

— Тогда расскажи, какой он с другими.

Она встала и подошла к окну. У мамы там росли фиалки в одинаковых горшках, и Нина зачем-то повернула один горшок этикеткой к стене. Раньше меня трогала эта ее привычка поправлять вещи во время разговора. В тот день я видела в ней желание потянуть время.

— Помнишь, я работала в строительной фирме?

— Помню. Ты уволилась.

— После пожара.

Я знала про пожар. Кажется, знала. В двадцатом году у нас у всех происходило столько плохого, что чужая беда иногда оставалась в памяти только заголовком. Нина тогда звонила маме, говорила о работе, потом быстро уехала в другой город. Я пыталась вспомнить, что она рассказывала лично мне, и не смогла.

— На объекте? — спросила я.

— В доме. Там люди жили. Двое погибли.

— И Денис...

— Он заставил меня врать.

Она произнесла это почти шепотом. Я ждала продолжения. Нина смотрела на фиалки.

— О чем?

— О том, где я была. Что видела.

— Ты следователю врала?

— Да.

У меня пересохло во рту. В той первой реакции было больше страха за сестру, чем сомнений в Денисе. Я не знала, как вообще отвечать человеку, который между детским альбомом и праздничным обедом говорит: я давала ложные показания.

— Зачем?

— Я испугалась.

— Он угрожал тебе?

Нина повернулась. На лице у нее мелькнуло облегчение — я увидела его и потом долго вспоминала. Словно она услышала нужный вопрос и уже собиралась на него ответить.

— Он сказал, что у меня подписи в документах. Что они спросят сначала с меня.

— А у тебя были подписи?

Она замолчала.

И вот здесь я сделала то, что умею делать на работе. Стала искать несоответствие раньше, чем поняла смысл рассказа. Мне нужно было установить, где именно Нина выражается неточно. Подписи были или нет? Она отвечала за документы? Почему решила, что Денис ее заставил, если она сама могла что-то нарушить?

Сейчас я могу назвать каждую из этих мыслей. Тогда они казались просто здравым смыслом.

— Были, — сказала она.

— Нин, я не понимаю. Давай с самого начала.

— Я не могу с самого начала за пять минут.

— У нас есть время.

— Он сейчас приедет.

Я достала телефон.

— Скажу, чтобы позже.

Она схватила меня за запястье.

— Не говори ему про меня.

Я убрала телефон. Сестра отпустила руку, но продолжала смотреть на экран, пока он не погас.

— У тебя что-нибудь осталось? Сообщения? Документы?

— Кое-что.

— Покажи.

— Не здесь.

— Где?

Она прикрыла глаза.

— Я пришлю.

В дверь позвонили раньше, чем я успела ответить. Не Денис — тетя Рая с мужем. Мама вытирала руки полотенцем, кричала из кухни, чтобы открыли. Нина пошла в ванную, я осталась возле окна с альбомом в руках. На полу лежала фотография, которую мы уронили. Зеленое пальто, отрезанная челка. Я подняла ее, и на обратной стороне обнаружилась мамина подпись: «Верочка. Первый класс».

Сестра помнила правильно. Мне вдруг захотелось пойти за ней и сказать об этом. Совсем не о пожаре, только о пальто. Но тетя Рая уже снимала с меня невидимые нитки, хвалила волосы и спрашивала, почему я такая бледная.

Денис приехал через сорок минут. Нина сидела за столом, помогала маме разливать чай. Он поздоровался со всеми, поставил на комод цветы, подошел к ней.

— Нина. Давно не виделись.

— Здравствуйте.

— На «ты» можно. Ты же не на работе.

Она кивнула, не глядя на него. Я следила за ними и понимала, что теперь не смогу перестать следить.

В машине Денис спросил, все ли в порядке. Я ответила не сразу. Он стоял на красном, повернулся ко мне всем корпусом.

— Нина сказала, что после пожара ты заставил ее дать ложные показания.

Я нарушила просьбу сестры меньше чем через три часа после того, как она ее произнесла.

Денис не повысил голоса. Только медленно выдохнул и отвернулся к лобовому стеклу. Загорелся зеленый. Сзади коротко посигналили.

— Дома поговорим, — сказал он.

Дома он открыл ноутбук. Я сидела рядом на диване и смотрела, как он ищет папку. Никакой демонстративной обиды, никаких вопросов, почему я сомневаюсь в нем перед свадьбой. Он показал постановление, которое касалось его участия в той истории. Объяснил, что про-раба судили, а в отношении него самого оснований для обвинения не нашли. Потом открыл копию Нинино-го заявления.

Сестра писала, что в день пожара находилась в офисе, на объект не выезжала, о состоянии выходов ничего сообщить не может.

Под текстом стояла подпись. Ее подпись, с длинным хвостом последней буквы. Я видела, как она расписывалась так на открытках, квитанциях, маминой доверенности.

— Я не был там в тот день, — сказал Денис. — Ездил на переговоры в областной центр. Вернулся, когда все уже случилось.

— Тогда почему она говорит...

— Потому что ей стыдно. Она работала с документами, боялась, что будут разбираться в каждой бумаге. Ушла. Попросила помочь с деньгами на переезд. Мы помогли. Теперь ей хочется, чтобы это выглядело как принуждение.

Он открыл платежное поручение. Двести сорок тысяч рублей. Материальная помощь. Седьмое октября двадцатого года.

Я долго смотрела на сумму.

В октябре Нина говорила, что ей вернули старый долг. Она сняла квартиру, купила холодильник, привезла маме новую плиту. Мама плакала от радости. Я упрекала себя, что не смогла помочь родителям так же.

— Она попросила? — спросила я.

— Да.

— У тебя есть ее просьба?

Денис закрыл платежку.

— Вер, я не собирал компромат на твою сестру. Мне неприятно это показывать. Я показываю, потому что ты спросила.

Я кивнула. Мне тоже было неприятно. За себя, за него, за сестру, которая не прислала обещанное ни вечером, ни на следующий день.

В понедельник я поехала в бюро и работала особенно усердно. Исправила все, что могла исправить без разговора с кем-либо. Отправила пять писем, согласовала четыре подписи, нашла в старой записке имя человека, которого никто в компании не помнил. Мне хотелось доказать себе, что я умею разбираться в сложном и не принимаю решения из одной только любви.

Тома спросила, что случилось. Я сказала, что поссорилась с Ниной. Не упомянула пожар. Подруга посмотрела внимательно, но не стала выпрашивать.

— Перед свадьбой всем кажется, что надо успеть выяснить все отношения, — сказала она. — Иногда просто люди устают.

Я с готовностью согласилась. Услышала объяснение, которое мне было нужно, хотя сама скрыла от человека ту часть рассказа, без которой объяснение не подходило. Потом долго не могла простить себе эту маленькую хитрость: я не просила подругу оправдать Дениса. Я просто дала ей достаточно мало сведений, чтобы она меня успокоила.

Вечером Нина прислала фотографию нового стола в мастерской. Я увеличила ее. На заднем плане стояла коробка с инструментом, рядом новый электрический чайник. Поймала себя на мысли: это тоже на те деньги? И сразу стало стыдно. Деньги пришли почти пять лет назад, чайник могли купить вчера, но подозрение уже начинало переодевать все вокруг сестры в одну и ту же историю.

Я спросила про документы, которые она обещала. Она ответила: «Я собираю». Мне показалось, что тянет время. В действительности я не знала, что именно ей придется открывать, чтобы найти нужное: старый телефон, переписки, память, которую она научилась обходить. Я видела только отсутствие файла у себя в чате.

Денис заметил, что я хмурюсь. Спросил, пишет ли Нина. Я сказала: да. Он ничего не добавил. Это молчание показалось мне великодушным: человек мог бы защищаться, а не делает. Я не подумала, что ему и так уже известны все мои вопросы, потому что я сама их принесла.

В среду, через четыре дня после маминого дня рождения, Нина написала: «Ты ему сказала?»

Я позвонила. Она не взяла трубку. Тогда я отправила длинное сообщение: что хочу понять обе стороны, что Денис ничего от меня не скрывает, что документы нельзя игнорировать, что она может объяснить все спокойно, без обвинений.

Слово «спокойно» я потом ненавидела дольше остальных.

Она ответила одной строкой:

«Я просила тебя не говорить ему».

В пятницу мы забирали кольца. Мастер попросил проверить размер, я надела свое, оно село легко. Денис смотрел на мою руку, потом на лицо.

— Счастлива?

Я ответила «да» слишком быстро. Потом повторила медленнее. Хотела, чтобы он услышал второй ответ и не заметил первого.

Свадьбу я не отменила. Говорила себе, что для такого решения нужны доказательства. Документы Дениса оставались у меня в телефоне, Нинины слова я старалась не вспоминать перед сном.

Глава 4. Место возле окна

За неделю до свадьбы я поехала к Нине сама.

Не предупредила, хотя терпеть не могла, когда так поступали со мной. Купила билет на первый автобус, положила в рюкзак пирог, который испекла мама, и всю дорогу сочиняла начало разговора. «Мы взрослые люди» не подходило. «Я хочу, чтобы ты была счастлива за меня» звучало так, будто счастье можно потребовать к определенному числу. В конце концов я решила просто обнять ее.

Мастерская находилась в бывшем ателье, в полуподвале. Над входом еще читалось «Пошив мужских костюмов», хотя поверх повесили новую табличку. На подоконнике стояли катушки ниток, у двери лежал резиновый коврик с отломанным углом. Я спустилась по четырем ступенькам и увидела сестру через стекло.

Она склонилась над разобранной машинкой. В правой руке отвертка, в левой очки, которые она не надевала, а держала за дужку. За столом напротив пожилой мужчина перебирал маленькие пакеты с деталями. Нина что-то сказала ему, мужчина рассмеялся. Я остановилась и несколько секунд смотрела на них, не входя.

Давно я не видела сестру такой: занятой, уверенной в своих движениях. Ее руки ничего не роняли и не прятались под стол. Мне стало легче. Значит, все не так страшно, как она говорит. Эта мысль пришла сама, и я за нее ухватилась.

Дверь звякнула колокольчиком.

— Вер? Что случилось?

Она сразу встала, задела локтем коробку. Мужчина поймал ее, поставил на место. Я почувствовала себя человеком, который принес беду в чужой рабочий день.

— Ничего. К тебе приехала.

Нина посмотрела за мою спину.

— Одна.

Она кивнула, слишком быстро.

Мужчина представился Борисом Петровичем. Сказал, что отойдет за хлебом, и стал долго искать кошелек. Нина просила не уходить из-за нее, но он уже надевал кепку. На прощание ткнул пальцем в машинку:

— Привод не трогай, я сам посмотрю.

Мы остались вдвоем. Я поставила пирог на свободный край стола. У сестры в мастерской пахло маслом и нагретой тканью. Возле раковины висели два полотенца — одно темное, для рук, другое белое с голубыми полосами. Мамино. Я узнала дырочку от прищепки на краю.

— Тебе чай?

— Давай.

Нина достала кружки. Моя была с надписью «Лучший инженер», хотя ни одна из нас инженером не была. Я засмеялась. Она тоже попыталась, но вышло неубедительно.

— Я жалею, что рассказала ему, — сказала я.

Нина застыла с ложкой в руке.

— Правда?

— Правда. Но ты поставь себя на мое место. Ты говоришь страшные вещи о человеке, за которого я собираюсь замуж. Он показывает документы. А ты исчезаешь.

Она положила ложку на блюдо.

— Я не исчезала. Я здесь работаю. Ты же нашла.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

— Понимаю.

Пирог был еще мягкий. Я отломил кусочек, но не смогла прожевать. Нина стояла у стола, не садилась.

— Деньги были? — спросила я.

Она опустила глаза.

— Были.

— Почему ты сказала про долг?

— Не хотела говорить, откуда.

— Значит, ты соврала нам тоже.

Нина придвинула ко мне сахарницу. Я пила чай без сахара, она прекрасно это знала.

— Да.

Это «да» меня разозлило. Мне хотелось, чтобы она возразила, объяснила, что перевод поддельный или деньги предназначались не ей. Вместо этого она согласилась и оставила меня с необходимостью решать дальше самой.

— Ты понимаешь, как это выглядит?

— Понимаю.

— Тогда почему не объяснишь?

Нина посмотрела на мои руки. На кольцо.

— Потому что ты будешь объяснять ему мои объяснения. И он опять придет ко мне подготовленным.

— Он приходил?

Она кивнула.

Я почувствовала, как уши наполняются горячим шумом.

— Когда?

— После маминого дня рождения. В среду. Сказал, что нам всем надо успокоиться. Что ты счастлива. Что я сама понимаю, чего стоила моя подпись.

— Почему ты мне не позвонила?

— Я написала тебе.

Я помнила сообщение. «Ты ему рассказала?» Помнила собственный ответ, который составляла двадцать минут и перечитывала, прежде чем отправить. Там не было ни одного вопроса о том, зачем ей понадобилось это узнать.

Я отодвинула кружку.

— Я могу сейчас ему позвонить и спросить, зачем он к тебе ездил.

— Не надо.

— Опять не надо. Нин, я не могу так.

Она устало потерла лоб. Потом впервые за весь разговор села напротив.

— Я тоже не могу. Я сплю нормально, когда меня не трогают. Работаю, плачу за мастерскую, хожу в магазин. У меня получается. А потом он появляется, и я опять проверяю дверь по пять раз. Я не хочу тебе портить жизнь, Вер. Я хочу свою не потерять.

— Но если он опасен...

— Я не говорю, что он тебя ударит. Он, может, никогда в жизни никого не ударил. Я говорю, что он сделает так, как нужно ему. А потом ты будешь сидеть и объяснять себе, почему согласилась.

Я встала. Не собиралась уходить, но сидеть больше не могла. Под ногой хрустнул обломок пластиковой катушки. На стене возле календаря висел маленький список: «Ремень. Лампа. Педаль. Спросить про помещение». Последняя строка была обведена красным. У Нины была жизнь, про которую я почти ничего не знала, потому что по воскресеньям спрашивала главным образом, хорошо ли она поела.

— Скажи мне, что ты видела в том доме.

Она долго молчала.

— Закрытую дверь.

— Какую дверь?

— Ту, через которую можно было выйти.

У меня было ощущение, что я наконец подошла к самому важному. Я даже перестала бояться ответа. Но Нина отвела глаза и сказала:

— Я не могу сейчас.

Я ждала. Внизу за окном прошли чьи-то ноги. Сестра подняла кружку, опустила ее обратно. Борис Петрович вернулся без хлеба, с пакетом молока и видом человека, который слишком долго ходил вокруг квартала. Мы обе одновременно заговорили о пироге.

На автобус Нина проводила меня пешком. Ветер выворачивал край ее куртки. Возле остановки я сказала:

— Приезжай все-таки. Не ради него.

Она посмотрела на дорогу.

— Постараюсь.

В автобусе обратно я позвонила маме. Рассказала только, что побывала у Нины, отвезла пирог. Мама обрадовалась, спросила, хорошо ли у нее дома. Я ответила: была в мастерской, до квартиры не дошли. Она вздохнула, сказала, что сестре нужен кто-то рядом, нельзя же все время одной.

Я смотрела в окно на ровное поле. Несколько голых деревьев, темная полоса дороги, редкие дома. Хотела возразить: она не одна, у нее работа, знакомые, Борис Петрович. Не возражала. Мне нравилось считать, что Нинина тревога объясняется одиночеством. Тогда мой брак был не ошибкой, а обстоятельством, которое ей тяжело принять.

На автостанции купила воды. Уронила монеты, долго собирала под прилавком, продавщица помогала, ворчала, что пол грязный. Руки замерзли, пальцы плохо слушались. Я думала о Нининых руках с отверткой и вдруг поняла: я не спросила, как у нее дела с новым помещением. Видела список на стене, могла спросить. Но приехала с одной целью — получить от нее отношение к своей свадьбе, которое меня устроит.

Написала: «Про помещение расскажешь?»

Сестра ответила вечером. Прислала две фотографии, объяснила, сколько нужно вложить, почему пока не решается. Я читала и задавала вопросы. На десять минут мы вернулись к привычному разговору. Потом Денис открыл дверь, я убрала телефон, хотя он не просил. Снова выбрала того, кто находился рядом и мог немедленно изменить мой вечер.

Дома Денис действительно не стал отрицать поездку.

— Я хотел поговорить с ней без свидетелей. По-человечески.

— Почему мне не сказал?

— Потому что не хотел делать тебя посредником. Понимаешь, как ей сейчас? Ты выходишь замуж, у тебя все хорошо. Она одна, в чужом городе. Любой старый страх становится вдвое сильнее.

— Она говорила про дверь.

Денис потер подбородок.

— Вер, там расследовали каждую мелочь. Это не моя оценка, это работа специалистов. Ты правда думаешь, что мы за вечер на кухне разберемся лучше?

Я не думала. Я вообще плохо понимала, о чем спрашивать. Слово «дверь» казалось слишком маленьким для двух погибших людей, а «работа специалистов» — слишком большим для меня.

Денис обнял меня. Я постояла у него в руках, потом отстранилась.

— Больше не ездь к ней без моего ведома.

— Хорошо.

Он согласился сразу. Мне тогда показалось: значит, услышал.

Пятнадцатого марта, после Нининого ухода, мы танцевали под ту самую песню. Денис держал меня за талию, я наступила ему на ногу и шепнула извинение. Он улыбнулся. Возле стены Маша снимала нас на телефон. Мама вытирала уголок глаза сложенной салфеткой.

Я любила человека, за которого вышла замуж. Когда впоследствии меня спрашивали, как я могла ничего не заметить, я вспоминала именно этот танец. Мне хотелось ответить так, чтобы все поняли: любовь не мешала мне видеть. Она подсказывала, что именно считать важным.

В ту ночь я сняла платье, повесила на дверь шкафа и долго доставала из волос шпильки. Денис находил их на покрывале и складывал в блюдце. Мы смеялись, что собрали достаточно металла для небольшого ремонта.

Перед сном я взяла телефон. Нина так и не ответила на мое «Я тебя люблю». Я хотела позвонить, но Денис коснулся плеча.

— Завтра. Устала же.

Я положила телефон экраном вниз.

Наутро от сестры пришло: «И я тебя».

Я показала Денису эти три слова. Он сказал:

— Вот видишь.

Мне стало хорошо. Я решила, что это начало примирения.

Глава 5. Чужое удобство

После свадьбы я продолжала платить за свою квартиру и не спешила отдавать ключи.

Денис не понимал зачем. Не возражал открыто, не считал мои деньги, просто спрашивал, когда встречу хозяйку и верну ключи. Я отвечала: в мае. Потом: в конце мая. В квартире оставались книги, зимние сапоги, мамина старая тумбочка. Все это можно было перевезти за один день, и я знала, что дело не в вещах.

Иногда по средам я приезжала туда после работы. Покупала внизу молоко, включала свет на кухне, открывала форточку. Занавеска зацеплялась за треснувший пластиковый крючок. Сосед за стеной разговаривал с телевизором. У меня было сорок минут, пока не начинались пробки, и я тратила их на чай в пустой квартире.

— Ты скучаешь по холостой жизни? — спросил Денис однажды за вечерним чаем у него дома.

— По этому крану точно нет.

— А по чему?

Я пожала плечами.

Он сел рядом, взял мою чашку, чтобы попробовать чай. У Дениса чай всегда получался крепким, почти горьким. Мой он называл подкрашенной водой, но пил, когда не хотелось заваривать заново.

— Перевезем твою тумбочку, — сказал он. — Поставим в спальне.

— Она туда не подходит.

— Значит, спальня не подходит тумбочке.

Я улыбнулась. Он умел говорить такие вещи без ощущения, что произносит заготовленную нежность. Спальня действительно немного изменилась. На полке появились мои книги, в ванной — нелепая резинка с желтым цветком. Его аккуратная квартира, где раньше все было серым и белым, стала выглядеть обжитой. Мне нравилось возвращаться туда. Нравилось слышать из кухни, что он дома, нравилось находить на своей половине кровати теплое пятно от его ладони.

В апреле Маша заболела. Инга уехала на конференцию, и дочь Дениса провела у нас четыре дня. Я брала работу домой, варила суп, ходила за лекарствами по назначению врача. Маша не требовала развлечений. Лежала на диване под пледом и смотрела длинные ролики, в которых люди разбирали чужие квартиры.

— Они сейчас стену сломают, — сообщала она. — Она несущая. Посмотрим.

Я присела рядом. Мы обе знали, что стену никто не ломает, но все равно ждали. Денис вернулся раньше обычного, застал нас перед экраном, поставил пакет на стол.

— Хорошо устроились.

В голосе была усталость и что-то вроде облегчения. Он провел рукой по Машиным волосам, потом по моему плечу. Я подумала, что мы похожи на семью, и тут же испугалась собственной поспешности. У Маши была мать. У меня не было права мысленно занимать ее место только потому, что сварила суп.

Вечером Инга позвонила по видеосвязи. Я хотела выйти, но Маша позвала меня в кадр.

— Вера сделала гренки, как ты. Только не сожгла.

Инга засмеялась, поблагодарила. После разговора Денис сказал:

— Ты прекрасно справляешься.

— С чем?

— С Машей.

— Она не задача, Денис.

Он посмотрел на меня, потом кивнул.

— Не так выразился.

Такие моменты случались и раньше. Он говорил «закроем вопрос», когда я рассказывала о ссоре с мамой. Обещал «найти решение», если я просто устала. Мне приходилось напоминать, что иногда ничего решать не надо. Денис принимал поправку. Не всегда сразу, но принимал. Поэтому я считала наши различия обычной притиркой людей, которые долго жили одни.

Однажды Светлана позвонила мне после разговора с ним.

— Ты собираешься уходить?

Я сидела над чужим текстом и не поняла вопроса.

— Куда?

— Денис спросил, можем ли мы отдать тебе часть проектов на удаленку. Говорит, ты устаешь от дороги.

Я действительно уставала. Говорила ему об этом за ужином. Но не просила звонить начальнице.

— Я сама с ним поговорю, — ответила я.

Светлана помолчала.

— Вер, работа твоя остается за тобой. Если захочешь что-то поменять, скажешь мне сама. Не через мужа.

Я поблагодарила ее. Вечером ждала Дениса на кухне, разложив перед собой три договора, чтобы не отвлекаться и не смягчить разговор раньше времени.

— Ты зачем звонил Светлане?

Он разувался в прихожей.

— Узнать про удаленную работу. Ты же по два часа в дороге.

— Можно было спросить меня.

— Я ничего за тебя не решил. Только уточнил возможность.

— У моей начальницы.

Он поставил сумку, посмотрел на меня внимательнее.

— Понял. Прости. Подумал, тебе будет проще, если уже есть варианты.

Слово «прости» прозвучало легко, без раздражения. Я заранее приготовилась спорить, а спорить оказалось не с чем. Мы поужинали. Он спросил про договоры, я рассказала. Позже он принялся чинить ручку на кухонном шкафчике, которую я дергала каждое утро. Я придерживала дверцу и думала, как глупо злиться на человека, который старается облегчить тебе жизнь.

Нина на мои сообщения отвечала. Не сразу, но отвечала. Могла прислать фотографию смешной собаки у мастерской, спросить, когда у мамы прием. О Денисе мы не говорили. Я рассказала про Машину простуду, сестра написала: «Хорошо, что поправилась». Мы обошли имя мужа так аккуратно, что однажды я поймала себя на попытке написать «у нас» и стерла эти два слова.

На работе изменения заметили раньше меня. Я стала реже задерживаться не потому, что Денис требовал возвращаться. Просто знала: дома меня ждут. Раньше могла сидеть над текстом до девяти, потом есть творог из упаковки, считая это свободой. Теперь писала, во сколько приду, и мне нравилось, что кто-то отвечает: «Хорошо, поставлю воду для макарон».

Однажды Игорь попросил остаться помочь с презентацией. Я уже надела куртку. Посмотрела на телефон, увидела сообщение от Дениса, что он выехал домой, и отказалась. Игорь кивнул, сказал, что разберется. Никакого осуждения. Я все равно оправдывалась потом еще пять минут: муж, ужин, договорились. Он засмеялся:

— Вер, можно просто не хотеть сегодня работать сверхурочно.

Я тоже засмеялась, но вечером рассказала Денису. Он сказал, что коллеги привыкли использовать меня. Мне показалось это немного несправедливым: Игорь много раз помогал мне сам. Я возразила. Денис поднял руки:

— Хорошо. Не использует. Просто ты имеешь право вовремя уйти домой.

Я не заметила, как право перестало быть моим собственным и стало чем-то, что он выдает мне против других людей. В одних случаях это действительно помогало. В других заставляло смотреть на старые отношения подозрительнее, чем они заслуживали.

Через неделю Тома позвала меня пройтись после работы. Я чуть не спросила, не обидится ли Денис. Остановилась на полуслове, сказала, что свободна. Мы гуляли по городу, ели горячие пончики у рынка. Подруга рассказала про отца, я про Машу. О сестре не говорила. Теперь понимаю: мне было легче показать, как хорошо складывается новая семья, чем признаться, что в старой я не умею закончить один разговор.

В конце апреля у Нины сломалась стиральная машина. Я узнала от мамы. Предложила перевести деньги, Нина отказалась. Денис услышал часть разговора.

— Купить ей нормальную? От нас.

Я покачала головой.

— Она сама разберется.

Он пожал плечами. Через два дня Нина позвонила мне впервые за несколько недель. Не поздоровалась.

— Это ты дала мой адрес?

— У него был твой адрес. Он же приезжал.

— Мне позвонили из доставки. Стиральная машина. Сказали, уже оплачено.

Я закрыла глаза. В офисе Тома перекладывала коробки с образцами бумаги, шуршала пленка.

— Он хотел помочь.

— Скажи ему, чтобы отменил.

— Нин...

— Я не приму. Они везут ее завтра, скажи сегодня.

— Я скажу.

Я сдержала обещание. Денис отменил заказ, потерял деньги за доставку и ни разу не упрекнул меня. Но сказал:

— Ей нравится, когда все сложно.

Впервые он высказался о сестре так прямо. Я возразила, что Нина не обязана принимать подарки. Он ответил:

— Конечно. Я больше не буду лезть.

Мне стало обидно за обоих. Я хотела, чтобы все хорошее, что было у меня с ним, можно было показать сестре. Принести ей нашу обычную жизнь целиком: завтраки с Машей, смешную тумбочку, его аккуратно сложенные на ночь очки. Чтобы Нина увидела, наконец поняла и перестала вздрагивать от одного имени.

В начале мая мы поехали к маме. Денис повез новые петли для балконной двери. Мама встретила его с отверткой, за день он устранил пять мелких неисправностей, из-за которых она прежде месяцами звонила в управляющую компанию. За чаем мама сказала:

— Как хорошо, когда мужчина в доме.

Я увидела на столе ее телефон. На экране осталось открытое сообщение Нины: «Я могу в субботу приехать, петли привезу».

Денис заметил, что я замолчала.

— Что?

— Нина тоже собиралась помочь.

— Ну теперь не надо будет ехать. Скажи ей, пусть отдыхает.

Я вышла на балкон. Он открывался легко, без прежнего скрипа. Внизу на площадке женщина звала ребенка домой, повторяла его имя все громче. Мама из кухни спросила, дует ли.

— Нет, — ответила я. — Теперь хорошо.

И это была правда. Дверь работала лучше. Мама была довольна. Нине не пришлось бы тратить выходной. Все действительно стало удобнее, и мне было не за что ухватиться, чтобы объяснить, почему хочется плакать.

Глава 6. Человек на заднем плане

Четырнадцатого мая я искала в архиве фотографию лестницы.

В юбилейном альбоме «Контура» получался провал между двумя крупными объектами. Восемнадцатый год занимал целый разворот: детский сад, спортивный зал, реконструкция библиотеки. Двадцать первый — тоже. Между ними Денис предлагал поставить общую фотографию коллектива и короткий текст о сложном времени. Светлана считала, что так можно. Я хотела найти хотя бы один завершённый объект: не ради красоты, а чтобы человек, взявший книгу через десять лет, не думал, что компания на два года закрылась.

Архив разбирали долго. Первые коробки Денис привез ещё в декабре двадцать третьего, потом проект отложили из-за денег, потом назначили новую дату. Теперь юбилей собирались отмечать в сентябре, и работу наконец запустили всерьёз. Основную верстку делала Тома. Мне оставались интервью, подписи, вводные тексты и вечная переписка с людьми, которые помнили один и тот же дом совершенно по-разному.

В тот день офис-менеджер «Контура» прислала ссылку на новую подборку. Написала: «Нашли у прежнего фотографа, только скачали, сами не смотрели». Внутри было триста восемьдесят файлов. Названия состояли из цифр и сокращений. Я отсортировала их по папкам и начала открывать подряд.

Лестница появилась на сорок седьмом кадре. Ещё не отремонтированная, с отколотой ступенькой и белой стеной в желтых подтеках. На сорок восьмом — рабочий держал уровень. На сорок девятом — женщина у окна отворачивалась от камеры. В пятидесятом кадре фотограф вышел во двор.

Я увеличила снимок, собираясь рассмотреть фасад. На заднем плане справа стояли два человека. Мужчина в темной куртке, женщина с длинными волосами, собранными в хвост. У нее в руках была папка. Зеленая, на резинке.

Такая папка осталась у мамы. Нина оставила ее, когда переезжала — внутри лежали гарантийные талоны и квитанции. У резинки был белый узелок. Я знала его, потому что сама завязала, когда резинка порвалась у сестры в руках.

Я наклонилась к экрану.

Лицо женщины было видно вполоборота. Молодое, круглое, без нынешней резкости в скулах. Нина двадцати пяти лет. Возле нее стоял Денис. На нем была куртка, которую я находила этой весной в дальнем отделении шкафа. Он придерживал воротник, прикрывая шею от ветра. Поза была знакомой до странности: мой муж по-прежнему делал так, когда выходил из машины без шарфа.

Я посмотрела на имя файла.

18_09_2020_Zavodskaya_14_050.

Потом открыла свойства. Дата съемки — восемнадцатое сентября двадцатого года. Пятнадцать часов двадцать одна минута.

В офисе было тихо. Тома ушла в типографию, Светлана сидела на встрече, наш дизайнер Игорь работал в наушниках и отбивал ногой ритм. За окном грузовик сдавал назад с короткими одинаковыми пискающими звуками. Я слышала каждый из них.

Я отодвинула стул, встала. Подошла к принтеру, зачем-то проверила лоток, хотя печатать ничего не собиралась. В нем лежала белая бумага, совершенно одинаковая. На чужом столе остывал чай. Из открытой форточки пахло тополиными почками и выхлопом.

Можно было закрыть файл. Написать Ксении, что фотографии с этого объекта не подходят для юбилейного альбома. Это даже не было бы профессиональной ошибкой: дом после трагедии не следовало использовать как картинку успеха. Другой редактор тоже мог бы отло-

жить серию и заняться детским садом. Никто не спросил бы, что именно я увидела на заднем плане.

Я представила, как вечером говорю Денису, что архив большой, но толкового мало. Он кивнет, предложит поискать еще. Мы поедем, посмотрим что-нибудь. На следующий день я буду знать, что файл остался на рабочем диске. Через неделю начну открывать его тайком. Через месяц перестану помнить, что именно хотела проверить сначала. Я уже так поступила с Ниниными словами: отложила их туда, куда неудобно возвращаться.

Я села обратно. Открыла блокнот, записала имя файла, дату получения ссылки, имя отправителя. Потом долго смотрела на собственный почерк. Никакого решения о муже я еще не приняла. Только решила не закрывать то, что уже увидела.

Это могла быть ошибка. Дату в камере могли выставить неправильно. Кто-то мог переименовать папку, перепутать два соседних дня, объединить фотографии с разных объектов. Я знала об этом лучше большинства людей. В чужих архивах не было ничего надежнее подписи, сделанной сразу после события, и даже ей нельзя было верить безоговорочно.

Я открыла следующую фотографию. На ней Денис уже отходил к машине, а Нина прижимала папку к груди. На следующей обоих не было. У стены осталась темная дверь с металлическим козырьком, две бетонные ступеньки, облупленный поручень.

Дверь была закрыта.

Я не сразу поняла, что ищу на ней. Просто помнила Нинино «через которую можно было выйти». Увеличила фотографию еще сильнее. Изображение рассыпалось на квадратики. Внизу возле ручки виднелось темное пятно. Ремень? Цепь? Тень от поручня? Я не могла сказать.

Телефон завибрировал. Денис.

Я смотрела на имя, пока вызов не закончился. Потом перезвонила.

— Ты занята? — спросил он.

— Да. Извини. Наушники были.

Наушников на мне не было. Они лежали в ящике.

— Я сегодня поздно. Сама поужинаешь?

— Конечно.

— Что-нибудь куплю по дороге?

Я посмотрела на фотографию. Мужчина на экране тоже собирался куда-то ехать. Рука лежала на дверце машины, лицо повернуто к сестре.

— Нет. У нас все есть.

— Вер? У тебя голос какой-то.

— Устала.

— Тогда не сиди до ночи. Эти фотографии никуда не денутся.

Он знал, чем я занимаюсь. Мы говорили об архиве за завтраком. В этой фразе не было угрозы. Я повторила себе это, когда разговор закончился.

Офис-менеджера звали Ксения. Я написала ей, кто передал снимки. Она ответила через двадцать минут: «Зуев Аркадий. У нас еще бухгалтерия брала у него материалы для выставки». Прислала телефон и спросила, много ли там хорошего.

Я набрала: «Разбираю». Стерла. Написала: «Спасибо, свяжусь с ним по подписям».

Скачала всю подборку, сохранила на рабочий диск. Это было обычное действие, которое я выполняла с любыми материалами заказчика. Потом сделала еще одну копию, в свою папку. И еще — на маленькую флешку с треснувшим колпачком, которую носила в косметичке. Только на третьем копировании я поняла, что боюсь потерять не фотографию, а возможность спросить о ней потом.

Я не позвонила Нине из офиса. Сначала прочитала все, что смогла найти про пожар.

Вечер восемнадцатого сентября. Первое сообщение в местной газете: возгорание в многоквартирном доме по улице Заводской, четырнадцать. Дальше — спасенные, пострадавшие,

двое погибших. В октябре — возбуждение дела, подрядчик, нарушение правил безопасности. В двадцать втором — приговор прорабу Павлу Котову. Про Дениса почти ничего. Несколько фраз о том, что компания сотрудничает со следствием, оказывает помощь жильцам, выполняет восстановительные работы.

Имена погибших были в короткой заметке на второй странице: Лариса Павловна Ефимова, пятьдесят восемь лет, Виктор Иванович Сергеев, шестьдесят семь.

Я прочитала их дважды. До этого в разговорах о пожаре существовали «два человека». Теперь у каждого оказалось отчество. Я знала, как много в тексте меняется от одного отчества: человек перестает быть примером или количеством.

Дом стоял в промышленной части города, за железнодорожной веткой. Я никогда там не была. Посмотрела на карту, прикинула дорогу от нашего офиса. Двадцать минут на машине без пробок. От квартиры Дениса — меньше.

— Ты чего застыла? — спросила Тома.

Она вернулась с образцами, стояла у моего стола с бумажным пакетом. Я закрыла окно с газетной заметкой, но фотографию оставила.

— Смотри. Это Нина.

Тома наклонилась.

— Похожа. Совсем другая здесь. А это твой?

Я кивнула.

— Они вместе работали, ты говорила.

— Да.

Она поставила пакет на стол. Не спросила больше ничего. По тому, как бережно поставила, я поняла: заметила мое лицо.

— Нужно выйти? — спросила она.

— Нет. Я сейчас.

До конца дня я исправила одну подпись и не отправила ни одного письма. В шесть выключила компьютер, положила флешку во внутренний карман рюкзака. Дома разогрела гречку, нарезала огурец. Поела стоя, хотя не торопилась. Несколько раз подходила к телефону, отходила, мыла уже чистую чашку.

Нине позвонила в половине девятого. Она ответила с улицы. Шумел автобус.

— Ты дома? — спросила я.

— Еду. А что?

— Мне надо кое-что показать.

— Про маму?

— Нет.

Я услышала, как она задержала дыхание.

— Про него?

Я подвинула стул и села, прижавшись спиной к спинке. Впервые за весь день удалось немного расслабиться.

— Я нашла фотографию. Возле дома на Заводской. Ты и Денис. Дата — день пожара.

На другом конце что-то загремело. Нина, видимо, задела поручень. Водитель объявил остановку.

— Не посылай ему, — сказала сестра.

Я смотрела на свою руку. Кольцо было повернуто гладкой стороной вверх, камешек на помолвочном спрятался к ладони.

— Я тебе позвонила, Нин.

Она ничего не ответила.

— Сначала тебе, — добавила я.

В трубке раздался короткий шумный выдох. Потом сестра тихо сказала:

— Пришли. Пожалуйста.

Глава 7. Число в углу

Нина ответила на фотографию через восемь минут.

«Это я».

Я ждала второго сообщения. На экране то появлялось, то исчезало, что она печатает. Наконец пришло: «И он. Дата может быть верная».

Не «верная». «Может быть». Я сразу рассердилась, как будто у сестры была обязанность помнить все с точностью до минуты. Набрала: «Ты была там в день пожара?» Она перезвонила.

— Была.

— А в заявлении написала, что нет.

— Да.

Я смотрела на две открытые фотографии: на одной Нина еще разговаривала с Денисом, на другой он уже отходил к машине. Между кадрами прошло одиннадцать секунд. Я могла разглядывать их сколько угодно, но не могла услышать, о чем они говорили.

— Почему ты не сказала мне раньше?

Нина молчала. Я поняла, что снова задала неправильный вопрос, но исправить не смогла. Во мне было столько обиды, будто обманули только меня, а не людей, чьи имена я прочитала несколько часов назад.

— Я говорила, — ответила она наконец.

— Ты говорила, что он заставил тебя врать. Я не знала, о чем.

— Ты знала, что я боялась.

Я встала и подошла к окну. Во дворе женщина выгуливала маленькую собаку в красной попоне. Собака упиралась, хозяйка ждала. Никто никого не торопил, и я смотрела на них с нелепой завистью.

— Прости, — сказала я.

Нина дышала в трубку негромко, через нос. Я вспомнила, как в детстве она делала вид, что спит, когда мы ссорились. Упорно, до икоты. Я тогда шептала ей разные глупости, пока она не начинала смеяться. Сейчас ничего смешного придумать не получилось.

— Мне надо подумать, — сказала она. — Я не могу все по телефону.

— Я приеду.

— Только не завтра. У меня клиенты записаны. В воскресенье можно.

— Хорошо.

— И не говори ему.

Я посмотрела на часы. Девять двенадцать. Денис мог вернуться в любую минуту.

— Пока не буду.

Я не пообещала больше. После нашего февральского разговора обещания казались мне чем-то, на что я потеряла право. Нина это заметила.

— Спасибо, что сказала «пока».

Когда Денис приехал, я уже убрала ноутбук. Он принес хлеб и грушу, одну, большую, с бумажной наклейкой. Сказал, что попробовал такую днем у поставщика и решил, что мне понравится. Я взяла ее, поставила в миску. Обычная груша. Обычный вечер. Муж снимал ботинки, я спрашивала, будет ли он гречку. Я знала его столько времени, что могла угадать, как он поставит обувь: ровно, носками к стене.

— Что у тебя с Ниной? — спросил он за ужином.

Я уронила вилку. Она ударилась о край тарелки.

— Почему?

— Ты в воскресенье собиралась к ней? Мама сказала, ты ей звонила про машину, не нужен ли водитель.

Я действительно спросила у мамы, не едет ли кто-нибудь из знакомых в Нинин город. Мне не хотелось трястись в автобусе почти шесть часов в обе стороны. Мама позвонила Денису, потому что у него всегда находился человек с машиной. Никакой слежки. Просто привычка всех обращаться к нему, когда нужно что-то устроить.

— Хочу увидеться.

— Поезжай на моей. Я в воскресенье дома.

— Спасибо. На автобусе нормально.

— Зачем? Ты же водишь.

— Не хочу за рулем.

Денис пожал плечами. Отодвинул пустую тарелку, наклонился ко мне.

— Вер, она опять что-то говорит?

Я могла спросить о фотографии прямо сейчас. Повернуть экран, положить перед ним. Сказать: объясни. И, возможно, он бы объяснил так убедительно, что в воскресенье я уже поехала бы к сестре с готовым ответом. Я представила ее лицо в мастерской и почувствовала, как неприятно стянуло живот.

— Она моя сестра. Я могу ехать к ней без повода.

— Конечно.

Он откинулся на спинку стула. Между нами стояла миска с фруктами. Купленная груша легла на старые яблоки и начала скатываться к краю. Я почему-то переложила ее отдельно.

Утром я позвонила Аркадию Зуеву с рабочего телефона. Представилась редактором юбилейного издания. Он говорил быстро, перебивал сам себя, жаловался, что прислал не все: часть архивов лежит на диске, который не видит новый компьютер.

— Дата в названии надежная? — спросила я.

— Какая именно?

Я назвала папку.

Он помолчал.

— Заводская. Это где потом пожар?

— Да.

— Надо посмотреть. В камере дата могла стоять верно, а могла нет. Я на слово не поручусь, простите.

Мне стало легче от этого отказа. Впервые кто-то не пытался немедленно сделать все понятным.

Мы договорились встретиться в конце мая. Он попросил прислать список нужных кадров, чтобы достать оригиналы. Я отправила номера всей серии, не выделяя два снимка с мужем и сестрой. Потом перечитала письмо и спросила себя, не превращаюсь ли уже в человека, который скрывает цель любого вопроса.

Тома села напротив, подвинув стул ногой.

— Скажешь?

Я подняла глаза.

— Я не прошу. Просто если надо, я здесь.

Мы знали друг друга восемь лет. Она помогала мне собирать вещи после Стаса, я ночевала у нее, когда ее мать попала в больницу и Тома боялась спать одна. Но рассказать о фотографии оказалось труднее, чем обо всех прежних неприятностях. Пока никто не знал, я могла вернуться домой и решить, что все объяснилось. Если скажу, появится человек, перед которым придется помнить собственные сомнения.

Я рассказала. Не все — только то, что могла подтвердить. Пожар, Нинино заявление, фотография. Тома не спросила, почему я все-таки вышла замуж. Она посмотрела на экран, потом на меня.

— А ты чего хочешь узнать?

— Правду.

— Про пожар или про мужа?

Я открыла рот и закрыла опять.

— И то и другое.

— Тогда не делай вид, что это работа над альбомом.

Она встала. Не погладила меня по плечу, не сказала, что я сильная. Принесла стакан воды, поставила рядом с клавиатурой. Я выпила его целиком и только тогда заметила, что с утра не пила ничего, кроме двух глотков остывшего кофе.

В тот день я впервые заметила, как мало умею ждать ответа без собственного продолжения. Позвонила фотографу — и тут же начала придумывать, что он скажет. Нина написала «была» — я уже собирала за нее весь день. Денис назвал документы — я мысленно находила в них либо спасение, либо новую ложь. Сами люди не успевали за тем, как быстро я распределяла их будущие слова.

Тома поймала меня на этом у кофейного аппарата. Я рассказывала, что Зуев, скорее всего, перепутал дату, потому что иначе Денис не стал бы так уверенно отрицать.

— А если не перепутал? — спросила она.

— Тогда...

Я замолчала.

— Подожди его ответа, — сказала Тома. — Ты же сама все время учишь заказчиков не подписывать фотографии по памяти.

Я вспомнила, как однажды полдня доказывала клиенту, что на снимке не он, а его брат. Тот сердился, потом принес другой альбом и признал ошибку. Я не считала его лжецом. Но сейчас речь шла о человеке, с которым я спала в одной постели, и для обычной человеческой ошибки в моей голове оставалось все меньше места. Либо невиновен совсем, либо вся наша жизнь обман. Я не знала, как выдержать середину.

Подруга дала мне запасной блокнот. Без торжественности, вытащила из ящика, сказала, что все равно не пользуется. На первой странице я написала дату и больше ничего. Лист оставался пустым почти час. Это оказалось полезнее прежних попыток немедленно заполнить неизвестность.

В пятницу я составила первый список. Бумажный, от руки. Не «улики», не «доказательства», а «что знаю» и «чего не знаю».

Знаю: пожар был восемнадцатого сентября. Погибли двое. Нина была на объекте и потом написала, что не была. Денис говорил, что весь день находился в другом городе. Фотография показывает их вместе возле дома, но дата пока не проверена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.